

София Ярыгина

18+

Приключения Агриппины Петровны

София Ярыгина

**Приключения
Агриппины Петровны**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ярыгина С. А.

Приключения Агриппины Петровны / С. А. Ярыгина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Агриппина Петровна после развода с мужем поселилась в доме одного южного городка. Жизнь ее текла предсказуемо и однообразно, но с поселением в ее дом странного жильца все изменилось. Она становится свидетелем убийства, неожиданно встретив мужчину своей мечты, уезжает во Францию, и там попадает опять в странную историю. Но вот она опять дома, как же теперь сложится ее личная жизнь?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	27
Часть 2	29
Глава 1	29
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

София Ярыгина

Приключения Агриппины Петровны

Часть 1

Глава 1

В установившемся жизненном порядке Агриппины Петровны, ничего не предвещало каких-то резких перемен, а уж тем более умопомрачительных событий. Жизнь текла размеренно и предсказуемо.

Сама Агриппина, как говорят про таких, женщина неопределенного возраста. На вид ей можно было дать лет 45. Она была миловидна, на лице выделялись круглые серые подслеповатые глаза. Очки она надевала к вечеру, а днем носила линзы. Волосы от природы были русые, но она их подкрашивала в более светлые тона, и стягивала узлом на затылке, в особых случаях закладывала их кренделем и закалывала гребнем с блестящей инкрустацией. Лицо было круглым с курносом носом и чуть припухшими губами, которые она красила в бледные тона т. к. считала, что навсегда загорелом лице это смотрится нежно и эффектно. Тело её было полноватым, но как говорят ладным. Она любила носить сарафаны с низким декольте, что привлекательно подчеркивало её грудь.

Своё имя Агриппина Петровна, получила в честь своей несколько раз прабабушки. Родители Агриппины занимались генеалогией и очень гордились, что их род по женской линии известный и древний. Агриппина была поздним и смышленным ребенком. В школе за глаза её дразнили гриппом, вирусом и даже заразой. Мальчишки не дразнили её, т. к. Гриппа могла им отказать списывать домашнее задания, и вообще с ней многие мальчики хотели бы дружить.

Жила Агриппина Петровна в одном из южных курортных городов Краснодарского края. В её владении был дом с мансардой и небольшая пристройка с высоким цоколем. Дом стоял очень удачно для сдачи в наём отдыхающим, он был крайнем в уличном ряду и упирался в набережную. Вокруг дома был большой двор, который Агриппина Петровна обустроила с толком. Беседок во дворе было столько, сколько комнат она сдавала, чтобы каждому её жильцу было комфортно. Мангал был общим. Имелась еще веранда, Агриппина Петровна обставила её со вкусом. Посреди стоял большой стол, вокруг стола несколько кресел качалок. По сторонам мини кухни, мебель она взяла из Икеи. Всё это было белёсых тонов. Веранда была увита плющом, который цвёл розовыми цветочками, а когда цветы увядали, Агриппина Петровна засовывала в розетки плюща искусственные розовые цветочки, поэтому было полное впечатление о никогда неувядающем растении.

Постояльцы у неё были стабильно. Она редко давала объявления, обычно, приезжали бывшие или друзья бывших. Этот доходный домик она отсудила у бывшего мужа. У него был строительный бизнес, детей у них не было. Она знала о его бесконечных похождениях и похоже адаптировалась, но когда её муж вошёл в кризисный возраст, и на стороне появился ребенок, Агриппина Петровна преодолев себя, так преподнесла дело в суде, что теперь ей бедная старость не угрожала. Немного оправившись от пережитого, она мысленно поблагодарила судьбу и бывшего мужа за ту жизнь, которой она жила.

У Агриппины была ещё трёх комнатная квартира, которая осталась ей, после смерти родителей. Квартира была в невыгодном месте, с точки зрения отдыхающих там размещались приезжающие родственники, тётя, дядя их дети и дети детей, всех привлекала низкая плата, которая состояла исключительно из коммунальных платежей, и полная свобода дей-

ствий. Заправляла там её тётка, она распределяла платежи между роднёй, чтобы покрывать и зимние месяцы и составляла графики заселения.

Постояльцы Агриппины были разными. Для неё они были живыми книгами. Чтобы войти в контакт с жильцами она выходила вечером, когда стихал поток людей, гуляющих на набережной, зажигала лампу на овальном столе веранды, выставляла на стол, сделанную ей наливочку, чинно садилась в своём белом сарафане в качающееся кресло, пригубляла наливочку, провожая взглядом спящих туда-сюда постояльцев, как бы приглашая разделить её общество. Кто-нибудь обязательно клевал, выглядело это примерно так.

– Добрый вечер Агриппина Петровна.

– Добрый, добрый, не хотите ли попробовать мною изготовленной наливочки...

И после двух рюмочек, шла задушевная беседа. Обычно рассказывали про свою жизнь. Причём рассказы женщин и мужчин сильно разнилось. Женщины в своих воспоминаниях о жизни были или жертвы испытывающие несправедливость начальников, детей, мужей, социальных работников, медиков, или наоборот борцами за установление справедливости. Агриппина Петровна вместе с ними либо воевала за справедливость, либо сочувствовала и страдала. Не нравился ей только один сюжет про болезни. Не, то чтобы она была безразличной к болезням рассказчиков, просто она знала, что помочь им не сможет, а слушать их, свои болячки просыпаются, и после таких рассказов, она думала о человеке, как о ходячей болячке, и даже менялось к нему отношение, Агриппина чувствовала, что такие рассказы вредят и рассказчику и ей.

На этот случай у неё была заготовлена фраза. Она вскакивала почти в самом начале анамнеза пациентки с возгласом:

– Ой, забыла утюг выключить.

И появлялась за столом, только после того, как незадачливый постоялец уходил. У мужчин рассказы были другими, ей они были больше по душе. Мужчины в своих рассказах о событиях и о себе, говорили просто как о фактах. Исключение составляли, которые всё критиковали: политику, общество, нравы и т. д. Агриппина Петровна со сладкой улыбочкой применяла всё ту же уловку, меняя иногда утюг на плиту.

Когда комнаты арендовал мужчина или компания без дам, Агриппина выбирала себе мужчину и добивалась всегда своего. Это было не сложно, ведь она от них ничего не хотела, кроме одного, на что они всегда были согласны. Когда заканчивался сезон, Агриппина Петровна старалась себя занять. У неё были подруги, иногда её посещали мужчины из постояльцев. Она умела шить и обожала детективы. Когда шила, то слушала детективы-аудиокниги по интернету, а по телевизору смотрела в основном новости, не то чтобы её захватывали политические события, из них она заключала каких ожидать в ближайшем будущем цен, налогов. Ещё она следила, за событиями в Турции, Крыму, Египте, Украине так как это сказывалось на потоке туристов в её город. И, конечно она зорко смотрела за колебаниями цен, в гостиницах и отелях её города.

Вот так и протекала её жизнь, пока однажды не позвонили в дверь. Это был конец августа. Агриппина Петровна, открыв дверь, предварительно посмотрев в камеру, увидела мужчину лет 50, подтянутого, выше среднего роста, аккуратно подстриженного, лицо особо ничем не примечательное, нос средних размеров – прямой, губы плотно сжаты, подбородок аккуратный, волос зачёсан на бок. Брюки были защитного цвета, светлая рубашка с коротким рукавом. Однако вид его чем-то отличался от обычных отдыхающих. Он спросил, можно ли ему снять для себя одного пристройку к дому. Надо сказать, что расположение дома было отличным. Выходы из дома и пристройки были один на улицу, другой на набережную. Агриппина Петровна сказала, что комната будет занята еще 10 дней. Тогда пришелец, представившись, как Семён Иванович, предложил залог и пожелал занять эту комнату спустя 10 дней, сказав, что срок пребывания им точно не определен, где-то около месяца. Агриппина его заверила, что место будет только

за ним, но предупредила, что в пристройке удобства во дворе прямо напротив – туалет и в плотную к нему душ, и если он желает, то может посмотреть. Семён Иванович заверил, что в этом нет необходимости. Он сказал это так, как будто всё уже видел. Агриппина Петровна, окинув оценивающим взглядом будущего претендента, едва заметно повела плечами, томно улыбнулась полноватыми губами и приняла аванс. Обычно мужчины сразу как-то реагировали на её невербальные жесты, но Семён Иванович не отреагировал никак. Но это Агриппину Петровну не смутило, а даже наоборот раззадорило. Воображение её заработало, ей необходимо было поделиться новостью и своими соображениями с подругой. Подругу звали Карлина Владимировна. Она жила гораздо дальше от набережной, на одной из улиц в одноэтажном длинном доме. Примечательным был её сад, там были и фруктовые деревья и тенистые беседки, но особенно любимым местом Агриппины Петровны были две лавки, под цветущими кустами, между ними небольшой круглый стол, накрытый скатертью в ромашку, обшитый вязаным белым кружевом, сверху красовался самовар. Всегда стояли чашки и в закрытой сахарнице лежали карамельки. Карлина Владимировна была сухощавой женщиной, выше среднего роста, подвижной, с живыми глубоко посаженными карими глазами, прямым длинным носом, тонкими, но ещё не увядшими губами. Её лицо обрамляла густая шевелюра тёмных волос. Приезжих жильцов у неё не было, зато были многочисленные родственники, которые гостили с весны до осени. Она была замужем, муж был полной её противоположностью. Степенный лысоватый мужчина, работал в одной из фирм и занимался проектированием коммуникаций. У него были и частные заказы, поэтому он кроме выходных был всегда занят а в выходные святая святых – рыбалка.

У Карлины Владимировны все люди делились, на тружеников, лодырей и управленцев. Себя она относилась к управленцам. Стоило посмотреть, как она управлялась с оравой внуков и внучек, организуя для них уроки труда-полива, рыхления, подкармливания, мытья посуды и т. д. не оставалось ни каких сомнений в том, что она управленец.

Карлина Владимировна любила слушать Гриппу, так она называла Агриппину Петровну, она приносила разные истории своих постояльцев. Иногда Карли, так называла её Гриппа, приходила посмотреть на персонаж из рассказа и высказывала своё мнение, которое отличалось от мнения Гриппы. Когда Гриппа описывала очередного квартиросъемщика, наделяя его романтичностью, тонкостью, говоря о нём, как о мечтательной творческой натуре – Карли выслушав, констатировала – значит лодырь.

Гриппа застала Карли в саду. Карли стояла уперев руки в бока и спокойным металлически – командным голосом внушала своим внукам 7 и 8 лет, что если они не отпустят кошку, которую они стригли под льва, то вишневый пирог они вечером не получат. Мальчики знали, бабушка не врёт. Младший Вовка, представив пирог, выпустил лапы кошки, кошка почуя возможность свободы, вывернулась и прыгнула в кусты. Тут Карли увидела Гриппу по её загадочной физиономии поняла, что есть новости.

Они уселись на лавочке под кустом, Карли принесла печенье и заварила чай.

– Ну-у? – протянула Карли.

– У меня скоро будет роман.

– Что клюнул?

– Нет, он ещё не знает, что будет моим.

Карли бросила оценивающий взгляд на Гриппу.

Ничего особенного, даже она бы сказала, что довольно заурядная внешность.

Но вслух она произнесла:

– Гриппа, ну чем ты их берёшь?

Гриппа встала, стряхнув упавшие крошки печенья с её длинной юбки, собранной на талии в сборку, и прошла по тропинке от столика плавно покачивая бедрами, а повернувшись озарила Карли мягким влекущим взглядом расширенных глаз.

– Поняла как?

– Дай я теперь.

Карли засеменяла по дорожке виляя тощим задом, а повернувшись вытаращила свои глубоко посаженные глаза, отчего её лицо приобрело зверское выражение.

Гриппа зашлась в смехе.

– Ой, Карли, похоже на то, что ты очень хочешь в туалет, а его нет ни там, не здесь.

Карли представила эту картину со стороны и они хохотали уже в месте.

Глава 2

Агриппина Петровна была знакома с колористикой и стилистикой не по книгам, у неё это было от природы, она чувствовала и знала, что и когда надеть. В Агриппине Петровне проснулась охотница, она понимала, что Семёна Ивановича сразу не взять, и придумывала сценарий обольщения и захвата. Вначале в срочном порядке сшила два новых сарафана, новые вещи придавали ей новизну восприятия самой себя. Кроме этого, они должны были подчеркнуть изображаемые ею качества. Один сарафан был небесного цвета, складки ниспадали от горла к ногам, ткань была легкой и сквозь неё лишь слегка угадывались контуры тела, вырез был скромным. Этот сарафан про себя Гриппа назвала – сарафаном непорочной девы Марии. Другой сшила полной противоположностью, который подчеркивал все её прелести, сарафан был ярким, розовый с черным. Агриппина Петровна решила примерить, как она выражалась, и тяжёлую артиллерию, т. е. присмотреться к нему поближе и узнать о нём как можно больше. Её воображение подпитывали множество прочитанных детективов, а особенно она любила Эрста Петровича Фандорина – главного героя романов Акунина. Она представляла себя рядом с ним и Масой, переодетой в мужской костюм, участвующей в разных опасных сценах. Она даже однажды, переодевшись в бомжиху, зашла к соседке, чем перепугала её до икоты.

Гриппа решила поменять плотные шторы в пристройке, на полупрозрачные, через которые она могла бы спокойно наблюдать за ним из беседки, оставаясь не замеченной. И вот настал день заселения Семёна Ивановича, Гриппа шла впереди, неся свой корпус особенным образом, встряхивая периодически волосом, дойдя до двери пристройки, Гриппа повернулась отдать ключи, и оценить произведённый эффект, но Гриппин корпус не произвел впечатления на Семёна Ивановича, глаза его были сосредоточенными, а взгляд отсутствующим.

– Странно, подумала Гриппа, на отдыхающего он не похож.

Вечером Гриппа увидела из окна комнаты своей мансарды, падающий свет на газон из окон пристройки и вышла занять свой наблюдательный пункт в беседке. Каково же было её удивление, когда она увидела, что окна пристройки задернуты не её шторами, специально купленными, а чужими и плотными.

Удивление сменилось любопытством, зачем одинокому отдыхающему мужчине тратиться на шторы, да ещё так стремительно. Гриппа в уме выстроила предположение. Это было банально, ну, конечно, женат и конечно, дама.

Тропинка от калитки до пристройки хорошо освещалась, и всякое движение по ней, было видно Гриппе.

– Если он занят – думала Гриппа то и бог с ним, посмотрю просто для пополнения багажа, какая-то женщина может быть у этого сухаря. Гриппа села за ноутбук, расположив его так, что бы видеть дорожку. Было уже довольно поздно, но, никто посторонний на тропинке не появлялся. Гриппа отправилась спать. Разбудил её стук в дверь, накинув плед, она открыла дверь, в проёме стоял Семён Иванович, Гриппа удивлённо шурясь своими подслеповатыми глазами, ещё не успев надеть очки, с разметавшимися волосами, выпалила – Вы? Семён Иванович, извинившись за ранний визит, держал в руке деньги.

– Не могли бы вы мне разрешить использовать подвал, под пристройкой по цене комнаты.

На немой вопрос Гриппы, Семён Иванович добавил, что ждёт друга, который должен привести ему образцы грибниц, а их надо держать в подвале. Гриппа приосанилась, взяла, деньги и отдала ключ, который был в единственном экземпляре.

– Ну это меняет дело, подумала она, значит есть надежда. Она вновь стала наблюдать за Семёном Ивановичем.

Днём она отметила, что он несёт большие пакеты с едой. Надо же странно, отметила Гриппа, деньги есть, а ест дома, да ещё так много, а сам неполный. Вечером она переместилась

в беседку. Зажглись фонари, и на дорожку легли густые тени. Появился Семён Иванович в сопровождении мужчины, в руках были пакеты, скрипнула дверь подвала. Подвал у Гриппы был оборудован хорошо. Узкие окна под потолком, скупо освещали подвал, но был проведен свет, была вентиляция и множество полок вдоль стен. Подвал был сухим. Гриппа сделала его уже после развода с мужем. Хотела там хранить урожай яблок и овощей и продавать зимой, но потом передумала. Поздней осенью она сдавала подвал в аренду соседу, он хранил там свои яблоки. Гриппа не разглядела как следует незнакомого мужчину, видно было, что он намного полнее Семёна Ивановича. Она покинула свой пост и переместилась на веранду. Вечер был теплый, Гриппа с удовольствием покачивалась в кресле, предаваясь неге сгущающихся сумерек.

Весь следующий день она хлопотала по хозяйству. Нужно было уделить время электрику, разболтались розетки в комнатах, купить для уборки моющие средства и много ещё чего. Вечером из окна своей мансарды Гриппа увидела, как Семён Иванович вышел за калитку. Быстро надев сарафан – непорочной девы Марии, она выскользнула из калитки на набережную.

– Вряд ли он успел далеко уйти – подумала Гриппа.

Впереди замаячила фигура Семёна Ивановича. Гриппа поднажала, теперь она следовала за ним по пятам. Вдруг он резко свернул за угол, Гриппа за ним, и тут произошло неожиданное, повернув за угол, Гриппа врезалась в Семёна Ивановича. Первое, что ей пришло в голову, – ой, я тут в магазин спешу. Семён Иванович, как ей показалось, пристально посмотрел на Гриппу, и кивнув головой, исчез в подворотне. Гриппа отметила его взгляд, и подумала, что сарафан непорочной девы ему понравился. Она медленно побрела по набережной, любуясь отраженными огнями в воде. Ото всюду доносилась музыка, и чем ближе она подходила к дому, тем глуше она становилась, ведь её дом стоял почти в конце набережной, на высоком берегу. Время было уже позднее, Гриппа решила походить вокруг дома, ей лучше думалось при ходьбе, надо было составить план дальнейших действий. Следить впредь надо было осторожней. проходя третий круг вокруг дома, Гриппа услышала приглушённые звуки, похожие на всхлипы доносящиеся из подвала пристройки. Гриппа прислушалась, подкралась к двери, там вне сомнения что-то двигалось. Света не было, дверь заперта.

У Семёна Ивановича окна были темные. Гриппа встревожилась и стала ждать Семёна Ивановича, выглядывая его из окна мансарды. Его всё не было. Она так и заснула в кресле, проснулась, когда уже рассвело. Было часов 5 утра. Вдруг она увидела Семёна Ивановича несшего в руках большой черный пакет, он с ним зашел в туалет, а через некоторое время вышел уже без пакета.

– Что это он в 5 утра с таким огромным пакетом делал в туалете, и что за стоны в подвале?

Гриппу пронзила мысль, а вдруг это маньяк убийца. Всё у неё сходилось и укладывалось в эту версию:

– Всхлипы в подвале это жертва – рассуждала она.

– В мешке – зарубленное тело, которое утопил в туалете.

Гриппа аж задохнулась от такой мысли. – Что делать?

– Вызвать полицию, переполюшат всех её отдыхающих, разворошат туалет в поиске улики, чем ещё больше перепугают всех постояльцев и прощай её бизнес. Гриппа взяла себя в руки, мысленно соединяя себя с главными героями её любимых книг и решила продолжить слежку, в надежде, что добудет какие-нибудь улики для обезвреживания Семёна Ивановича не на её территории. Ещё крутилось мысль отказать ему в аренде, мол родственники приезжают и всё-такое, но поразмыслив не решилась, а вдруг он и её тихо пришьёт, он же маньяк, зачем ей его злить.

Хлопнула калитка, в дверях появилась Леночка, дочь её подруги. Она была студенткой педагогического института и приходила к Гриппе подрабатывать – убирать комнаты арендаторов. Гриппе всегда было принято её видеть, Леночка была добродушной смешливой и когда она

смеялась, появлявшиеся ямочки на щеках придавали её лицу особое обаяние. Гриппа обрадовалась Леночке как никогда, рядом с ней Гриппе стало спокойнее. Она усадила Леночку за стол и налила чаю с мёдом. Комната наполнилась Леночкиным щебетаньем, смехом и запахом липового мёда.

За окном было видно, как самые рьяные отдыхающие потянулись на пляж за дозой ранних лучей солнца.

Для слежки Гриппа решила одеться неприметно, порывшись в шкафу, извлекла светло-бежевые шифоновые штаны свободного покроя и короткую кофточку-майку и прикрывшись шляпой выскользнула из калитки. Согласно её плана, она должна была сесть на лавку набережной, откуда хорошо просматривались выходы из её дома. Лавка оказалась занятой грозной женщиной в спортивной одежде, та видимо отдыхала после утреннего променада. Рядом с ней на лавке стоял термос и рюкзачок. Гриппе сесть было негде и ей пришлось ходить взад-вперёд пока не освободится лавка. Наконец она уселась прикрывшись газетой и стала поглядывать на двери дома. Её внимание привлёк мужчина, выходящий из её дома, он был в длинных шортах кирпичного цвета и желтой майке на голове парусиновое кепи, как будто блин с козырьком. Гриппа подумала-ну вылитый Остап Бендер, и в ту же минуту она опознала в этом мужчине – Семёна Ивановича.

– Надо же, загримировался упырь.

На ещё пустующей набережной Семён Иванович был виден издали, и Гриппе не было нужды слишком приближаться, что бы его не потерять из виду. Семён Иванович шёл не спеша, и через некоторое время сел на лавку, достав из кармана сотовый телефон стал вертеть его в руках, то ли кому звонил, то ли что-то смотрел. Было очевидно, что он кого-то ждал. Гриппа приостановилась оперевшись на ограждение набережной, за ограждением был обрыв до самого моря. Обрыв был несколько пологим, так что некоторые отдыхающие перелизали через ограждение и сидели под кромкой полого обрыва, любуясь восходом солнца, но чаще закатом.

К Семёну Ивановичу вскоре подошёл мужчина, бритый наголо, одет был так же в длинные шорты и футболку. В отличие от Семёна Ивановича цвет одежды был сдержанный и фигура его была ничем не примечательна.

ТАААК-подумала Гриппа, у упыря есть сообщник.

Сидящие на лавочке стали бурно что-то обсуждать. Гриппа подлезла под ограждение и цепляясь за выступы нависшего берега приблизилась к сидящим на лавке со спины. Они не могли её увидеть. Чтобы не вызывать нездорового интереса у проходящих пляжников, Гриппа изображала в полулежащей позе наслаждение легким бризом и видом открывавшимся только ей с этого конкретного места. Она сосредоточенно вслушивалась в то о чём говорили на лавке. До неё доносились обрывки фраз... «надо добить, сегодня в Капитане, в семь».

По звукам шагов, Гриппа поняла что упырь с сообщником уходят. Она вскарабкалась на набережную и недалеко от себя увидела две известные ей фигуры, удаляющиеся в противоположную сторону от моря. Гриппа кралась за ними до тех пор пока они не сели в джип чёрного цвета, за руль сел лысый. У Гриппы мелькнула мысль – хм, у них есть транспорт, зачем же тогда топить жертву в моём туалете, вывезли бы куда-нибудь что ли.

Ей надо было с кем-то непременно поделиться, лучше всех из подруг для этого подходила Карлина Владимировна. Карлина всё лето проводила в хлопотах по заготовке фруктов и овощей. Рыбу, которую Иван Иванович, её муж, приносил круглогодично, Карли и солила и вялила и замораживала, коптила и делала даже присервы. Её подвал ходил на склад магазина. С октября её жизнь менялась. У Карли, в отличие от Гриппы была страсть к гаджетам. Она монтировала фильмы про своих домочадцев, снимала природу, потом вставляла фотографии в отснятое, и ещё многое чего умела. В этом деле ей нравился сам процесс. Если у неё что-то не ладилось, она звонила своему внуку 15 летнему Ваське. Васька был с компьютером на ТЫ, настолько, что однажды к нему обратились даже из органов. Когда Васька занимался с

компьютером, казалось, что его рыжий волос начинал светиться, а его торчащие уши излучали волны.

Гриппа быстрым шагом направилась к Карли. Влетев в калитку сада, посторонилась пропустив процессию карлиных родственников чинно шествующих на пляж. Впереди шли три зятя потом шестеро детей, вперемешку с дочерьми Карли, шествие замыкала шестилетняя Тося, на талии у неё был резиновый круг, который она несла, как балетную пачку, поддерживая руками, корпус держала прямым, а ноги ставила будто танцует, Тося уже второй год занималась в хореографической школе.

Поздоровавшись со всеми, Гриппа двинулась вглубь сада к дому. Навстречу шла Карли, вся разрозовевшаяся от горячего утреннего душа, голову её венчала накрученная пирамида из вафельного полотенца. На сей раз подружки уселись на террасе дома. Гриппа подождала, пока Карли сварит кофе, что бы не прерывать свой рассказ. Запах кофе распространился по террасе. Слушая Гриппу, Карли сидела как загипнотизированная дудочкой змея. Полотенце давно свалилось с головы, но Карли не пыталась даже поправить мокрый волос, разметавшийся по голове, в чувство её привёл вопрос мужа.

– Кари, где черви?

– Я их тут в баночке оставлял.

– Съела, – голос Карли прозвучал с металлическими нотками.

Иван Иванович внимательно посмотрел на жену, по опыту долголетней супружеской жизни, он знал, что жена чем-то сильно озабочена.

– Девочки, а что случилось?

– Иди – Ваня, сказала Карли уже другим тоном, я тебе потом расскажу.

Иван Иванович не стал настаивать, углубившись в сборы на очередную рыбалку.

Карли сделала глоток кофе, и подавшись вперед сказала:

– Тебе надо весь компромат документировать съёмкой, фото и аудио записью, и с эти идти уже в полицию. В «Капитан» тебе надо идти загримированной. Гриппа была согласна, она тоже думала об этом.

Глава 3

Придя домой Гриппа первым делом выдвинула ящик из встроенного в стену шкафа, где у неё хранились парики, накладки на нос, разные шляпы с накладными волосами, очки с обычными стеклами, грим. Всё это богатство ей подарил поклонник гримёр из Краснодарского театра. Он был очень рад, что Гриппа ценит его подарки, которые ему ничего не стояли. Гриппа нарисовала мысленно образ дамы, в которую должна превратиться. Она надела пёстрый балахон, шляпу из-под которого торчали тёмные волосы, на нос наклеила накладку, получился с горбинкой, примазала всё гримом и водрузила на нос квадратные очки с обычными стеклами. Оглядев себя в зеркале осталась довольна, её не узнать.

Выйдя из дома, она двинулась по тропинке к калитке. Навстречу ей шла неторопливо размахивая пляжной сумкой Зина, она часто обращалась к Гриппе, то за иголкой, то за булавкой или нитками. Поравнявшись с Гриппой, она скользнула по ней безразличным взглядом и прошла мимо.

– Порядок, подумала Гриппа, не узнала.

Дорога до ресторана отеля «Капитан» шла вдоль берега моря. Дул лёгкий освежающий ветерок, духоты не было, и Гриппу не тяготили эта шляпа с волосом и густой макияж. Чем Капитан, ей нравился, по сравнению с другими, ресторанами, так это негромкой деликатно звучащей классической музыкой. Можно было сидеть и разговаривать, не повышая голоса. В других ресторанах музыка орала, надрываясь, как будто все проходящие мимо хотят биться в экстазе под этот грохот. Зайдя в ресторан, Гриппа сразу увидела их, упырь и сообщник сидели за столиком у стены. Веранда ресторана была открытой, шум моря смешивался с нежными звуками музыки. Столики рядом были заняты, и Гриппе пришлось сесть за столик в другом ряду от центра зала. Видела она их хорошо, но услышать было нереально. Подскочившему официанту Гриппа заказала мороженное и фруктовую воду, расплатившись сразу на всякий случай. Гриппа уже сидела пол часа наблюдая, как они поглощают еду запивая чем-то прямо из бутылки. Видно было, что лысый горячился, а Семён Иванович был спокоен. Но вот к ним подошла средних лет женщина, как-будто они её ждали. В женщине угадывалась хрупкость и вместе с тем какая-то категоричность, в лице её было что-то птичье. Они её в чем-то убеждали, глядя на неё можно было сказать, что она не верила, в то, что ей говорят, но в какой-то момент будто сломалась. Плечи поникли, она встала из-за стола и пошла к выходу. Упырь и лысый кинулись за ней. Гриппа щёлкала и снимала камерой телефона, старательно выбирая ракурсы, телефоном задела нос, накладка пришла в движение и грозила отвалиться вовсе. Гриппа двинулась в туалет, нос уже был как бы на боку, сняв накладку и грим, Гриппа просмотрела снимки и видео.

– Что же им от неё надо – подумала она.

В раздумье, Гриппа медленно шла вдоль набережной и добралась до дома, когда сумерки уже сгустились. Обойдя дом и постояв у пристройки, Гриппа прислушалась, в подвале было тихо. У упыря света в окнах не было. Она решила с утра продолжить слежку и добыть неоспоримые свидетельства их приступной деятельности.

Утром двор пришёл в движение Леночка поливала цветы, поджидая когда все отдыхающие уйдут на пляж и она приступит к своей работе. Гриппе из окна было видно, как два близнеца 6 лет устроили потасовку на дорожке. Васька пытался хлопнуть ластами Гошку, а Гошка в ответ лягал Ваську то левой, то правой ногой. Гриппа переживала за сохранность цветов которые она высадила из горшков в грунт вдоль дорожки. Потасовку прекратил рык папы близнецов, появившегося на дорожке в сопровождении жены, и вся семья наконец ушла со двора. Гриппа была собрана и ждала появления Семёна Ивановича, а его всё не было. Сев в плетёное

кресло-качалку и устремив взгляд, где горизонт смыкался с морем, она в который раз, строила версии происходящего.

На конец на тропинке появился Семён Иванович, одет он был не по-пляжному, светло-коричневые лёгкие брюки и светлая с коротким рукавом рубашка, производили впечатление, будто он шёл на работу. Гриппа шла за Семёном Ивановичем. Вот он остановился, позвонил кому-то и сел на лавку. Обрыв под этой лавкой, был немного круче, чем под предыдущей, но Гриппа прикинула, что вполне можно устроиться. Она засунула в карман брюк солнцезащитные очки, перелезла через барьер, и стала медленно карабкаться к небольшой выемке в пологом обрыве под лавкой, для удобства сняла шлёпанцы. В ложбинке сидела стайка котят и две кошки, вид у них был сытый и шерсть блестела на солнце. Таких стай по всему берегу было множество. Кто и чем их кормил неизвестно, а может они сами себе добывали пищу. Гриппа легла на бок, подобрал ноги, а голову подпёрла рукой, согнутой в локте, надо было соблюдать эстетическую позу для взглядов отдыхающих, которые могли видеть её с набережной. Кошки уходить не собирались, это было их место и они чувствовали себя хозяевами. Гриппа услышала, как кто-то ещё сел на лавку и заговорил. Голос принадлежал лысому. С утра море штормило, ветер и шум прибоя мешали уловить смысл речи. Гриппа подтянулась вверх, очки больно впились в бок, она зашевелила ногами, чтобы сменить упор бедра, и оттеснить очки в бок, и тут произошло неожиданное.

Котёнок решил поиграть с голой ногой Гриппы и вцепившись в палец ноги, задними лапами процарапал подошву ноги Гриппы раздался Гриппин вопль. В ту же минуту Гриппа увидела над собой две головы, одна принадлежала Семёну Ивановичу, другая лысому. По ехидному виду Семёна Ивановича ей было понятно, что бессмысленно делать вид, что она здесь любит морским прибоем. Гриппа медленно встала, перелезла через перила, и грациозно подняв брови, стала одевать обувь, как будто это были не шлёпанцы, а черевички царицы. Рукой она сжала очки, лежащие в кармане, ей так было легче скрывать волнение. Губы её сжались, а глаза сузились. Внутри у неё была решимость, страха не было. Она была похожа если не на тигрицу, то на кошку готовую к прыжку. В глубине души Гриппа знала, что принародно, здесь на набережной они ей ничего не сделают.

Семён Иванович растягиваясь в улыбке произнес:

– Здравствуйте Агриппина Петровна.

Гриппа сдвинула челюсти.

– А вот познакомьтесь – это Аркадий Игнатьевич Леворуков.

Гриппа перевела взгляд на Леворукова. Аркадий Игнатьевич с интересом смотрел на Агриппину Петровну. Если бы Гриппа встретила Аркадия Игнатьевича лицом к лицу на улице, она никогда бы не подумала, что он злоумышленник. Глаза у Аркадия Игнатьевича были карие и излучали приветливую мягкость, от него веяло интеллигентностью и дорогим парфюмом. Скорее он производил впечатление врача-терапевта в дорогой платной клинике. Семён Иванович продолжил:

– Аркадий Игнатьевич руководитель фирмы – «Другая реальность».

Гриппа усмехнулась – «ПОНЯТНО» о какой другой реальности идёт речь, ей слава богу, ещё в этой реальности не надоело. Осмелев, вслух она произнесла:

– И за что вы отправили в другую реальность бедолагу, который маялся у меня в подвале, а потом вы выкинули тело в мой туалет? И готовите новую жертву-женщину, которая была с вами в ресторане «Капитан» и на всякий случай сделала шаг в сторону.

Семён Иванович переглянулся с Аркадием Игнатьевичем и оба зашлись от хохота. Отсмеявшись, Аркадий Игнатьевич изрек:

– Тот, кто был у вас в подвале, не жертва, а наш клиент, и по договору который он подписал, это входило в план определённых действий.

Гриппа повернулась к Семёну Ивановичу.

– Ну а в туалете вы кого утопили?

– Да никого я не топил.

– А в мешке кого тащили?

– Да никого, в мешок засунул биотуалет вышедший из строя ну и хлам кое-какой, я его занёс в туалет, а потом у вас рядом контейнер с мусором, из окна он вероятно не виден, я потом туда его и выбросил.

– А женщина в ресторане?

– Это жена клиента, но это уже текущие дела, согласно договора.

– А вы смелая женщина, заметил Аркадий Аркадий Игнатьевич.

Было заметно, что Гриппе этот комплимент понравился, она кокетливо повела глазами, приподняв брови, как бы утверждая – кто бы сомневался.

– А вот и Вячеслав Владимирович – воскликнул Леворуков.

В подходившем к ним человеке, Гриппа узнала вечернего гостя, шедшего с Семёном Ивановичем в один из вечеров, когда она дожидалась Семёна Ивановича в беседке.

Теперь Гриппа могла его рассмотреть, он был похож на её любимого артиста Пореченкова – такие же густые, чуть сросшиеся брови, русый, коротко стриженный волос, круглое лицо с тяжёлым подбородком, и такие же серые с ободком глаза, только вот выражение глаз отличалось. У Вячеслава Владимировича, они были подвёрнуты внутрь, как будто он к чему-то прислушивался внутри себя. Любимый артист Пореченков был крупным мужчиной, но подтянутым. Вячеслав Владимирович был тоже крупным, широкоплечим, но подтянутым его назвать было нельзя. Из-за сходства с её любимым артистом, Гриппа сразу прониклась симпатией к Вячеславу Владимировичу. Гриппа чувствовала, как падает её напряжение.

– Неплохо бы сейчас что-нибудь выпить – подумала она, по опыту знала, что поможет ей эспрессо или бокал красного сухого вина. Аркадий Игнатьевич как будто прочёл её мысли.

– А не пойти ли нам выпить по чашечке кофе, вот здесь его варят замечательно.

Он указал рукой на противоположную сторону набережной, где красовался отель «Боспор». Веранда отеля была уютной, в этот час, между завтраком и обедом, они были единственными посетителями. Бармен Григорий, как было написано на его бейджике, что-то писал в блокноте за стойкой, периодически тыкая пальцем в калькулятор телефона, на его голове торчал сделанный парикмахером кокон, лоб его приходил в движение будто он удивлялся цифрам, которые появлялись на табло калькулятора. Музыка была приглушённой, возбуждать было некого. Увидев клиентов, Григорий быстрой походкой подошёл к столу. Все заказали кофе. Гриппа отлично знала это место, и была частым гостем. Кофе здесь варили в турочках по восточному, на углях. Кофе был ароматным и вкус его отличался от сделанного кофе-машиной. Григорий взглянув на Гриппу уточнил – вам как всегда? – Она кивнула, ей нравилось, когда в кофе добавляли немного цикория. По веранде поплыл аромат кофе. Вскоре Григорий принёс кофе и четыре длинных фужера с водой. Потягивая кофе, Гриппа чувствовала, как бодрость возвращалась в тело. Между ничего не значащими фразами, Гриппа произнесла:

– И чем же вы всё-таки занимаетесь?

– А мы с Семёном Ивановичем, похожи на агрономов, сказал улыбаясь Аркадий Игнатьевич, обнажая ряд белых ровных зубов. Глаза его излучали мягкостью и непритязательность.

– Вот представьте, продолжил он, у вас горшок с растением, корням горшок мал, растение явно чахнет, к тому же стоит растение в неблагоприятном для него месте, и поливают его редко. Его бы надо пересадить и поставить в соответствующее для растения место, продолжил Леворуков. – Пересадка для растения болезненная процедура. Это стресс можно сказать. В новых лучших словах, оно может и не прижиться, если сил не хватит, но может и расцвести. Семён Иванович, отпивая мелкими глотками кофе и слушая Леворукова, краем глаза наблюдал за Вячеславом Владимировичем. Немного помолчав, Леворуков добавил – Вот Вячеслав

Владимирович и есть это растение в горшке, при этих словах он поставил пустую кофейную чашку на стол.

Глава 4

Придя домой, Гриппа почувствовала усталость после пережитых событий, она прилегла на диван и проспала до глубокого вечера. Ветер стих, цветные фонарики отбрасывали разноцветные блики на дорожки. По деревьям струился лунный свет. Проснувшись Гриппа спустилась на веранду, села в кресло и налила себе чаю. От калитки отделилась тень и двинулась к веранде, Гриппа узнала в ней Семёна Ивановича.

– Не помешаю?

Гриппа уже не смотрела на Семёна Ивановича как на кандидата близких отношений. У неё к нему была масса вопросов, требующих ответа. В её действиях уже не было кокетства, движения были точные и даже голос звучал по другому – как-то деловито и конкретно.

– Я жду вас – сказала она.

– Вы какой чай любите?

– Мне любой погорячей, – отозвался Семён Иванович.

Усевшись в кресло он пил чай короткими глотками, шурясь на яркий свет ламп, стоящих на столе.

Гриппа выждав для приличия пару минут, забросала Семёна Ивановича вопросами. Казалось он ждал этого, и обстоятельно отвечал. Гриппе стало ясно, что с этой фирмой сотрудничают много разных специалистов и просто людей. Когда появляется клиент составляется программа, и тогда определяется круг людей и специалистов участвующих в ней. Теперь Гриппу интересовала конкретика, что будет делать Вячеслав Владимирович, зачем, где и когда, и что в конце будет.

– А вот и наш герой идёт, у него закончилось «подвальное время» – Семён Иванович указал глазами и кивком головы на вышедшего из тени угла дома Вячеслава Владимировича. Он шёл к ним неспешной, но уверенной походкой, Гриппа глядела на него с нескрываемым интересом, встретившись с ним взглядом, она почувствовала отсутствие у него интереса к жизни, или если не к самой жизни, то к тому чем его жизнь была наполнена. Выпив за компанию чашечку чая, он удалился. Отель, где для него был снят номер, стоял на противоположной стороне от дома Гриппы.

Проводив долгим взглядом Вячеслава Владимировича, Гриппа произнесла.

– И долго ему ещё сидеть в моём подвале?

– По условиям договора – 9 дней – отозвался Семён Иванович.

Гриппа уже знала, что Семён Иванович, бывший майор ФСБ, был единственным штатным сотрудником этой фирмы, на нём была вся организация и коммуникация. Идеологом и руководителем был Леворуков. Остальные сотрудники привлекались по трудовым контрактам. Гриппе всё это было интересно, и она согласилась за отдельную плату доставлять специально приготовленную еду для Вячеслава Владимировича из рядом стоящего отеля где он жил. Глядя на эту еду, Гриппа вслух выражала сочувствие узнику, Вячеслав Владимирович улыбался и забирал из рук Гриппы корзину с едой.

Глава 5

Утром Гриппу разбудил звонок сотового телефона. Она пошарила рукой по тумбочке, там у неё всегда лежали очки и надев их, ткнула пальцем в экран телефона, звонила Карли. Из трубки донёлся взволнованный голос.

– Гриппа, Ваня сказал, что всё же надо идти в полицию.

– Карли, это у них фирма, по переводу в другую реальность.

– Какая другая реальность? Где?

– Сейчас в моём подвале.

Воцарилась молчание.

– Гриппа, у тебя всё хорошо?

– Да хорошо всё, Карли, расскажу потом.

– Приходи Гриппа, Ваня принёс кефали. Я приготовила её по новому рецепту, тебе понравится.

Гриппа потягиваясь выглянула в окно, во дворе было тихо, все ушли на пляж, они взглянули на часы, было без четверти одиннадцать. Одевшись, она спустилась на веранду. С утра она пила всегда горячую воду с лимоном или разбавленный апельсиновый сок, а когда появлялся аппетит – завтракала. К веранде шла Леночка, в одной руке у неё было ведро в другом сотовый телефон, отстранив телефон от уха, и поздоровавшись с Гриппой Леночка с досадой сказала:

– Опять у Карнауховых ребёнок сломал дверцу шкафа. И продолжая разговаривать свернула к беседке. Гриппа достала свою толстую тетрадь, на обложке красовался пингвин, открыв на нужной странице нашла телефон столяра. В этой тетради у неё были собраны телефоны нужных ей служб и людей, а в записной книжке телефона были только друзья и родственники.

Время двигалось к обеду и Гриппе надо было принести, как она выражалась – тюремную баланду, Вячеславу Владимировичу. Передавая ему корзину, она заметила в углу подвала гири, а на гвозде висели какие-то веревки с кольцами. По инструкции, данной ей Семёном Ивановичем она не должна была разговаривать с Вячеславом Владимировичем днём, а только когда он выходил из подвала. Но обычно он выходя, сразу уходил. А разговаривала она в основном с Семёном Ивановичем. То о чём он говорил было для неё новым. От него она узнала историю Вячеслава Владимировича.

Глава 6

Вячеслав Владимирович, будучи школьником, часто приходил на работу к своим родителям. Они оба работали в конструкторском бюро завода по изготовлению оборудования для кожевенной и обувной промышленности. Его отец, Владимир Афанасьевич, был начальником конструкторского отдела. Его стол стоял в конце большой комнаты, отгороженный кульманами. Вячеслав, приходя к отцу, садился за его стол и делал уроки. Его мать Таисия Ивановна, работала технологом в отделе напротив. Вячеславу было очень интересно, когда мать брала его с собой в цех. Он видел как рождались детали, как работали станки. У него был закадычный друг – одноклассник – Аркаша Леворуков. По окончании школы, они поступили в разные вузы. Вячеслав в технологический, а Аркадий в университет на физико-математический факультет. Ещё учась в школе, они вместе ходили в походы, а учась в институтах, стали членами одного из клубов альпинистов. Их обоих привлекал поиск опасностей и борьба с ними. Приключения и переживания наполняли их жизнь, и ещё больше их объединяли. Особое состояние вызывало у них созерцание и тишина гор. Но однажды хрупкость горной породы, чуть не стоила жизни Леворукову, умелыми и смелыми действиями Батаков спас жизнь другу. После окончания учёбы, Батаков пришёл работать в КБ завода в технологический отдел, а Леворуков уехал в Питер и устроился там в какой-то научно-исследовательский институт. Какое-то время они перезванивались, но политические события в стране девяностых годов перевернула судьба двух друзей.

Завод на котором работала семья Батаковых банкротился. Новые веяния носившиеся в воздухе, сулили свободу действий и вдохновляли Вячеслава Батакова. Он быстро разобрался в сути перемен. Связи с партнёрами завода, где работал Батаков, стремительно приходили в упадок, и он оформил ИП, стал продавать в Прибалтику штампы запасных частей для машин и многое другое. Он брался за многие посреднические услуги, деньги не тратил, переводил в доллары, продолжал ездить на старых жигулях, отказывал себе в удовольствиях. Вячеслав понимал, что это явление временное, и когда началась приватизация, переоформил документы с ИП на общество с ограниченной ответственностью, став участником аукционов по продаже муниципальной недвижимости. Вот здесь он и познакомился со своей будущей женой. Её звали Люся, она работала в администрации в комитете по управлению имуществом экономистом. Люсин папа, спортсмен в прошлом, был хорошо знаком с начальником управления комитета по имуществу, они вместе проводили вечера на теннисном корте, вот по просьбе отца, Люсю и взяли в отдел. Она была миловидна, черты лица мелкие, светлые волосы доставали до плеч. В её фигуре было что-то незащищенное, хрупкое. И вместе с тем, она производила впечатление не слабой девушки, которая смогла бы за себя и постоять. Люся помогала Вячеславу оформлять различные документы, через неё он владел нужной информацией. Все деньги, которые у него были, и которые он зарабатывал на сделках, вкладывал в покупку недвижимости. С Люсей они были уже близки, приходя к ним домой, Люсина мама всегда удивлялась, как это у такого крупного владельца недвижимости никогда нет денег, вечно голодный и ходит в поношенной одежде. Вячеслав не был жаден, но был азартен и за несколько лет выстроил целую империю. Люся была уже беременна на пятом месяце, и надо было жениться, и он женился. Теперь Вячеславу надо было сохранять недвижимость и он стал часть объектов сдавать в аренду, в других заводить совместные предприятия, другими занимался лично. Родители Батакова давно продали свой домик в районном городе Краснодарского края, на его месте выстроился новый отель. Теперь они жили в Краснодаре. Вячеслав вложил деньги в квартиру для родителей на стадии проекта, и поэтому расположение комнат в квартире родителей было очень удобным. Между двух просторных комнат была гостиная, там же была и кухня. В углу стоял большой раскладывающийся диван. Там часто ночевала внучка Батаковых, она была очень похожа на

отца. Красивая стройная фигура, ясные светлые глаза обрамляли черные мохнатые ресницы, под пухлыми губами, волевой подбородок. Таисия Ивановна говорила:

– Ну вся в отца.

Вячеслав хоть и редко появлялся у родителей, но регулярно переводил им деньги на карточки. Родителям было по 75 лет, но они были бодрыми. Владимир Афанасьевич, отец Вячеслава, возился в кабинете до поздна, изобретая разные приспособления, которыми была наштигована вся квартира. Створки шкафов открывались сами при хлопке, жалюзи на окнах, открывались с пульта, шкафчики в ванной выдвигались, стоило нажать на кнопку. Таисия Ивановна находила удовольствие в разведении рыбок, она могла часами смотреть, как они плавали, аквариумы стояли в гостиной почти по всему периметру. Был ещё один житель в квартире – кот Бонифаций, сокращено Боня. Кот был с крупными лапами, среднешорстный серого цвета и совсем беспородный. Он был предан Таисии Ивановне, являлся по первому зову, давая чесать себя где угодно и когда угодно. Был ласков и неприхотлив в пище. Когда приходил Вячеслав, кот садился рядом с Таисией Ивановной, всем своим видом показывая что он, Боня, самый главный для Таисии Ивановны.

Жизнь Вячеслава Владимировича вошла в другое русло. Теперь это были хлопоты по ведению многочисленных дел, касающихся жизни его предприятий. Вячеславу Владимировичу не удавалась на долго отойти от дел, как только он снимал своё внимание то проблемы возникали сами собой. Жизнь была наполнена заботами, встречами, ресторанами, фуршетам. Батакову стало казаться, что он как зашоренная лошадь ходит по кругу. Работа требовала большого расхода энергии, он чувствовал постоянную напряженность. Стал есть много сладкого, фуршеты и переговоры сказались, на теле, он располнел. К спиртному был безразличен, алкоголь его лишь отуплял, не принося удовлетворения. Из его жизни ушли свобода и новизна.

В одном из приездов компаньона из Питера, Батаков решил угостить коллегу курицей, приготовленной по особенному рецепту. Раньше это делали в арендованном у него помещении, а сейчас на их месте расположилась химчистка, поэтому Батаков отправился в соседний большой магазин, где был отдел кулинарии. Он показал рецепт продавцу, та взглянув сказала, что так кур они не готовят, и что здесь надо составлять отдельную калькуляцию, и что ему, Батакову, лучше поговорить по этому вопросу с заведующей производством. И вот тут Вячеслав Владимирович встретил Любу. За разговором о приготовлении курицы, Батаков изучал Любу. Это была полная противоположность его жене, Люси. От Любы веяло мягкой силой. У неё были большие карие глаза, излучающие какой-то магнетизм. Темные волосы выбивались из-под колпака, пышную грудь обтягивал белый халат, вся её фигура дышала жизнелюбием и здоровьем. Любе было лет сорок, у неё был сын – студент МГУ, учился он в другом городе, с мужем она давно разошлась, Люба не говорила почему, а Батаков не спрашивал. Встречи с Любой наполняли Вячеслава Владимировича силой и желанием жить. Если Люся вызывала у него чувство защитника, то Люба его запитывала, как батарейку. Одно время Батакову казалось, что его жизнь вновь наполнилась смыслом и радостью жизни. Со временем Люба стала говорить о переходе Батакова к ней. И чем дальше, тем эти разговоры возникали чаще. При встречах её глаза стали выражать затаённую грусть, изменилось и поведение, но Батаков не мог оставить семью. Жизнь стала невыносимой, когда Люся узнала про Любу. Слезы, упрёки, обиды и собственное чувство вины разъедали душу. Встречи с Любой стали редкими, и в одну из встреч, она сказала, что выходит замуж и встреч больше не будет. Батаков это принял как должное, но легче ему от этого не стало. Перед Люсей он старался загладить свою вину, но в отношениях появилась трещина, которая никак не исчезала.

Батаков по инерции вёл дела, но вдохновение и жизнерадостность исчезла из его жизни. Вот при таком душевном разладе, он неожиданно и встретил своего друга Аркадия Леворукова. Батаков тогда приехал в свой родной город посетить дочернее предприятие. Зайдя на веранду кафе, выпить чашечку кофе, в сидящем мужчине за столом, он узнал своего друга.

Батаков был рад, на него нахлынули волны юности, они оживленно вспоминали свои рискованные приключения, потом плавно перешли к тому, как жили это время что делали. Леворуков за это время закончил ещё один вуз по специальности – психология, был увлечен квантовой физикой, хорошо разбирался в астрологии. Когда перешли к делам сегодняшним, от Леворукова не укрылось, как его друг помрачнел, и состояние депрессии, в которой он находился стало явным. Аркадий, глядя на Вячеслава про себя решил, что приложит все усилия к лучшим переменам в жизни друга. Ведь когда-то, он спас ему жизнь, теперь очередь Леворукова. Конечно, он понимал, что Батаков это не тот клиент, который пришёл к нему и готов изменить свою жизнь. Такие, как правило, не составляли Леворукову больших усилий. Другое дело его друг. Главное в этом деле получить согласие. Это согласие состояло в полном принятии новой игры, условия которой неукоснительно должны соблюдаться. А для этого нужно было убедить, и не просто убедить, Батаков должен был увидеть тупик в своей жизни и оттолкнувшись изменить курс.

Батаков по образованию и внутреннему складу был технарём с развитым логическим мышлением, и Леворукову, что бы убедить Батакова, надо было переводить абстрактные понятия в конкретные образные формы.

Леворуков произнес:

– Вот представь компьютер, который заражён вирусами, он плохо работает, его просто надо почистить.

Потом Леворуков много говорил о жизни с точки зрения квантовой физики. Из его убеждений выходило, что изменяя своё прошлое изменяется и будущее, причём не только будущее имело разную вариантность событий, но и прошлое. Батаков внимательно слушал своего друга, однако рвения перезагружать свой компьютер не проявлял. Леворуков лихорадочно в уме искал фразу, психологи называют её онопкой, которая бы толкуна друга на согласие с условиями эксперимента. Леворуков произнёс:

– Ну, конечно, это рискованно, всё равно, что пройти над обрывом, требует самодисциплины, смелости и отрешенности. Леворуков сделал паузу и посмотрел на Батакова.

– Есть! Подумал Леворуков.

Вячеслав Владимирович, выпрямившись в кресле и подавшись корпусом вперед хрипло выдал – «Давай твои условия».

Леворуков не стал скрывать своей радости, он точно знал, что Вячеслав с дистанции не сойдет, такой у него характер, и выложил план действий для друга.

Вначале Вячеслав должен был находиться в подвале 9 дней, и стать наблюдателем своей прошлой жизни, сливаясь сознанием и переживая вновь эпизоды своей жизни. При появлении сильных эмоций, Аркадий показал как надо дышать. Есть надо только то, что принесут. Занятия гантелями, и специальными приспособлениями состояло из верёвок и колец, для тренировки мышц тела. Таким образом, по плану Аркадия у Вячеслава поднимется энергетический уровень, пересмотр прошлой жизни даст толчок к вариантности других сценариев жизни.

Аркадий сказал Вячеславу, что обязан соблюдать формальность, подпись клиента в договоре должна быть заверена нотариально с приложением медицинских справок. Батаков окинув взглядом смету, заметил:

– А почему не заложена прибыль в общую сумму контракта?

– Я тебя должен гораздо больше, дай вернуть хоть это.

– Да, ладно тебе, это же было естественно, и махнув рукой Вячеслав добавил – ну как хочешь, если для тебя это так важно, валия... и поставил свою размашистую подпись.

Батаков, предупредив своих компаньонов и подчинённых, что будет находится не в зоне связи, сидел в подвале четвёртый день. Первые два дня были для него просто, пыткой, хотелось есть, представляя прошлые эпизоды засыпал, ругал себя за мальчишество, согласившись на

эту дурацкую авантюру, но при мысли об отказе внутри что-то холодело, и он отбрасывал эти мысли прочь. На третий день он почувствовал, что ему интересно всё смотреть про себя.

По совету Аркадия Вячеславовича, составил список людей и связанных с ними событий, просматривая их по порядку. Но довольно часто его подсознания само определяло порядок. В голове вспыхивали эпизоды, и Вячеслав проживал их вновь. После этих сеансов у него менялось представление о многом в его жизни. Он оценил и увидел, какой большой вклад в реализацию его желаний внесла Люся, а Любу он так и не отблагодарил, за ту жизненную силу, которой она делилась с ним, во многом благодаря ей дела шли в гору. Вячеслав был согласен, с тем, что предложил Аркадий, Любе переписать в дар что-либо из недвижимости, а Люся должна была выбрать что-то, из всего что есть, и с Люсей оформить развод, всё равно прежних отношений не было, да и не жили они уже вместе. Аркадий это взял на себя, потом он рассказал Вячеславу, что Люба была приятно удивлена, а Люся опечалилась но потом деловито выбрала двухэтажное здание в центре города, оно было заселено арендаторами и особых хлопот не требовало.

Батаков пытался понять себя и представить, как он будет чувствовать себя, когда реформирует бизнес. Он прислушивался к своим чувствам. Собственная важность спала, карьера политика его не интересовала. Порывшись в себе он увидел, что чувство ответственности и роль защитника коллектива было главным мотивом его действий. Со временем эти чувства стали перетерпевать изменения, от ответственности он уставал, а люди приходили и уходили в зависимости от оплаты, условий труда и вообще насколько их устраивала сама работа. К концу девятого дня Батаков был готов к реформированию своего бизнеса. По договоренности с Аркадием, он должен был появиться вновь через месяц.

Глава 7

Отсутствие Батакова не стало перерывом в работе у Леворукова, а уже тем более у Семёна Ивановича.

Семён Иванович вёл переговоры со службами и нужными людьми, что бы обеспечить дальнейшие ходы в переводе Батакова на другие рельсы.

Леворукову понравилось бывать у Гриппы, и однажды по её просьбе он согласился на присутствие Гриппы при разговоре с очередной клиенткой. Клиентку звали Марией Ивановной, ей было 59 лет, она приехала на море отдыхать, и случайно увидела рекламу про изменение жизни. Позвонив по телефону, и узнав, что ехать далеко не придется, встретила с Леворуковым. Леворуков изучал Марию Ивановну, сделал на неё гороскоп, протестировал, по одним ведомым ему тестам, и понял, что характера ей должно хватить для перемен. На веранде сидели четверо – Леворуков, Семён Иванович, Гриппа и Мария Ивановна. Пили чай. Гриппа по этому случаю испекла яблочный пирог. Мария Ивановна жила под Питером, недалеко от Петродворца, место можно сказать кишело туристами. У неё был небольшой домик, перед домиком участок в четыре сотки, она не работала. Дети как она выразилась, жили своей жизнью, заняться ей было не чем, она считала, что поздно в 59 лет начинать какое-либо дело. Проработав до пенсии в отделе внедрения новых технологий НИИ экономистом, она чувствовала, что вся жизнь уже позади, меланхолия и лень были её частыми гостями. Её муж, полковник в отставке, работал в военкомате. Леворуков начал с убеждения Марии Ивановны, что надо проживать свою жизнь в активности, а не в меланхолии и лени. Любимые его сравнение с января 2017 года, стало решение Трампа стать президентом в 70 лет.

На что Мария Ивановна заметила, что у него куча денег, и что же ему не стать президентом.

– А мы вам президентом стать и не предлагаем, заметил Леворуков.

– Мы говорим, что вы ещё очень молоды по сравнению с Трампом, и с девяностолетними людьми. Именно так вы должны думать про себя. Леворуков и Семён Иванович стали перебирать возможные варианты её деятельности. При описании одного из них, у Марии Ивановны загорелись глаза, было ясно, что вариант ей понравился. Он заключался в превращении её домика с двориком в место посещаемое туристами. Для этого внешний фасад дома надо превратить в русскую избу, во дворе соорудить русскую печь с летней кухней, где сами туристы пекли бы хлеб и булки в печи, а во время выпечки игра на балалайке, русские песни, сувениры демонстрация русских обрядов и тому подобное.

А что бы туристы заворачивали к ней, она со своими мероприятиями войдёт в состав туристической фирмы. Подготовку бизнес-проекта, присоединение к туристической фирме, превращение её дворика в русский рай, на себя берет фирма Леворукова. А Мария Ивановна подумает о самостоятельности, рецептуре русских пирогов, кваса и морсов. Мария Ивановна уходя со двора Гриппы всех поблагодарила, было видно, что она вдохновилась идеей. Гриппа язвительно заметила мужчинам:

– А что же это вы в подвал её не посадили, баландочкой не покормили?

Сквозь смех, Семён Иванович сказал, – Это, Агриппина Петровна. Не тот случай, когда баландой кормить надо.

Глава 8

Семён Иванович уехал с Марией Ивановной в Питер, она заключила договор. Леворук не появлялся. Гриппе без них даже, скучно стало, она вернулась к своей обычной жизни. Решив навестить свою подругу Зину, она надела сарафан в стиле русской красавицы, заколола кренделем волосы и взяла маленькую сумочку. Сумочка хоть и смотрелась миниатюрой, но туда влезало очень много мелких предметов – помада с зеркальцем, расчёска, ключи, телефон и миниатюрная железная фляжка под коньяк, туда Гриппа наливала воду, она это называла стратегическим запасом. Сев в трамвай, гриппа бездумно смотрела в окно на проплывающие мимо здания. В чувство её привёл скрипучий голос кондукторши, она шла мимо сидений и на весь вагон трамвая трубила:

– Берём билеты, в вагоне работает контроль.

В ответ раздался голос тётки с надвинутой до самый бровей шляпы:

– Да не боимся мы, хоть два контроля.

Кондукторша поджав губы и не удостоив вниманием тётку прошла дальше по вагону. Гриппа вышла около универсама решив зайти в отдел готового платья. Помещение, где висела рядами одежда было небольшое и никого, кроме громко говорящих иностранцев не было. Поговору и интонации поняла, что это итальянцы. Она подумала, – и что они так орут. Пересматривая на вешалках одежду, Гриппа почувствовала жажду, следствие съеденного утром винегрета с сельдью. Она вытащила свою металлическую фляжечку, и поскольку горло фляжки было узким, то воду она стала вливать в рот чуть отстранив от губ. Вода с бульканьем потекла Гриппе в рот. В комнате воцарилась тишина, итальянцы стояли молча, переводя взгляд с фляжки на Гриппу и обратно. Завентив крышку фляжки, приподняв брови Гриппа проплыла между расступившимися итальянцами. Пройдя пол квартала она свернула на улицу, где жила Зина. Пройдя к дому, в дверях она столкнулась со стайкой девчонок, гостивших у Зины за небольшую плату. По кругу двора Зины стояли времянки, через открытые двери, завешанные тюлью, виднелась нехитрая мебель. Зина у квартиросъемщиков убиралась сама. Посреди двора стоял большой стол, поодаль мангал. Через весь двор поверху потянулись плети винограда, создавая тень во дворе. Гриппа застала подругу в прихожей, Зина яростно обшаривала карманы своей куртки, висящей на вешалке.

– Вот сволочь, ты подумай только вытащил у меня 5 тысяч, вот здесь лежали, ну зараза, только приди домой.

Гриппа поняла, что зараза и сволочь Зинин муж Василий.

Вдруг лицо Зины, озарилось улыбкой, она держала в руках 5 тысяч рублей, которые только эти извлекла из внутреннего бокового кармана куртки.

– У меня Васёк, сроду никогда без спроса ничего не возьмет, Грипп, ты же знаешь, он у меня золотой мужик.

Гриппа знала, что когда Василий, работающий электриком в большом супермаркете, приходил навеселе домой, то подсаживался за стол к отдыхающим девчонкам, при этом глаза его замасливались и его рот изображал блуждающую улыбку. Вскоре Зина возникала в проёме двери, и уперев руки в бока зычно трубила – Васяя домооой!

И Вася вобрав голову в плечи, мелко семеня ногами, норовил проскочить в дверь мимо Зины, отвесив ему подзатыльник, Зина с шумом закрывала дверь.

Поговорив о том, о сём с подругой, Гриппа спросила:

– Зин, а ты хотела бы поменять что-нибудь в своей жизни?

– О чё менять-то – она аппетитно хрустнула солёным огурцом.

– И так нормально.

Детки устроены, живут отдельно. Васёк у меня хоть и выпивает другой раз, но мужик хороший.

– У меня вон хозяйство, она обвела глазами времянки и хихикнула.

– Тебе Грипп, мужика надо, и всё станет нормально.

– Да где его взять-то такого какого надо – в тон подруги сказала Гриппа.

Во времянке напротив открылась дверь и оттуда, крадясь и пошатываясь, застёгивая на ходу брюки, вышел молодой мужчина, из двери донёсся женский бархатистый голос:

– Ну куда – ты Лёвчик...?

Лёвчик одним прыжком достиг калитки и исчез.

Зина хохотнув поведала Гриппе, это что Лёлька из Твери, настоящая сексуальная вампирша, мужика держала трое суток. Уже вечерело и Гриппа засобиравшись домой, простившись с Зиной, она решила пройти пешком. Сентябрь был уже на исходе, но вечера по-прежнему стояли теплые. Гриппа с удовольствием вдыхала разлитый в воздухе аромат моря и сосен. Она любила свой город. Иногда они с Карли уезжали из своего города в Москву, дети Карли жили у неё, а Гриппа с Карли в квартире её детей. В Москве они составляли план где побывать, и много ходили, а потом вспоминали фразу из какого-то комедийного шоу – «отдыхаем мы хорошо, только устаём очень». Гриппа уже подошла к дому, открыв калитку увидела Семёна Ивановича, шедшего к ней навстречу. Гриппа обрадовалась ей было интересно, как там устроились дела Марии Ивановны, и что там с Батаковым.

Семён Иванович рассказал Гриппе, что Батаков, отправлен в дельфинарий. Общение с дельфинами, является неспецифическим методом усиления защитных сил организма, уникальная особенность этих животных – воздействие ультразвуком, что способствует высвобождению нейроэндорфинов, которые ещё называют гормонами счастья. К Вячеславу Владимировичу был приставлен специалист, обеспечивающий безопасность общения дельфина с пациентом – специалиста звали Лера, это была щуплая молодая женщина тридцать пять лет, у неё было двое детей и муж Анатолий. Лера и Анатолий закончил географический факультет МГУ по специальности океанология, по направлению приехали работать в береговую лабораторию южного отделения океанологии. Анатолий работал в качестве ведущего научного сотрудника, а Лера старшим научным сотрудником. Штат был небольшой, как и зарплата, и Лера периодически подрабатывала в дельфинарии, она любила свою работу. Батакову Лера помогала установить связь с дельфином по кличке Моня. Он часто подвозил её домой, она познакомила его со своим мужем Анатолием. Они стали часто засиживаться за чаем. Анатолий рассказывал об исследованиях на корабле и подводной лодке, батискафе. В его рассказах чувствовалась любовь к морю. О курьёзных случаях в экспедициях он рассказывал азартное и с юмором. Жаловался на недостаток технических средств для изучения моря, но кое-что они разрабатывают сами.

У Батакова рассказы Анатолия вызвали живой интерес, он его попросил показать лабораторию. Через некоторое время, Батаков сделал так, что его взяли в экспедицию, он побывал и на подводной лодке и в батискафе. Вячеслав быстро входил в тему, и даже поступил на географический факультет дистанционного обучения. Это был уже другой Батаков. Новая струя его захватила и вдохнула жизнь. Леворукову даже не пришлось приводить в действие следующие пункты договора. Его друг благополучно переехал в другую для него реальность.

Глава 9

Семён Иванович собрался уезжать совсем в начале в Питер к Марии Ивановне, как он выразился осуществить контроль внедрения, а потом они с Леворуковым выезжают в Марсель. Организация их зарегистрирована, как международная, и клиенты могут быть отовсюду. Гриппе даже взгрустнулось. Семён Иванович взял номер Гриппинного телефона и оставил свой и Леворукова. Гриппа со словами Семёна Ивановича теперь была у них в базе данных внешних сотрудников, Гриппа занесла их номера в свой телефон в строку контакты.

Была глубокая осень, сосед завозил яблоки в Гриппин подвал, рядом крутилась Варька, двадцатилетняя дочь соседа. Сидя в беседке у горевшего мангала, Гриппа наблюдала за погружением яблок.

– Варь, позвала Гриппа, иди давай чайку что-ль попьём.

Варька присела на край лавки. Что бы занять время, Гриппа вспоминая разговоры с Семёном Ивановичем произнесла.

– Варь, вот пожелай себе что ты очень хочешь, но что бы голова не сомневалась в исполнении желания. Варька задумалась, потом зажмурилась со сладким выражением лица, растягивая снова произнесла.

– Я в белой шубке сажусь в свою машину.

– Да... подумала Гриппа, это наверное пространство долго Варьке будет подгонять.

Вслух сказала – ну жди, значит будет. Сосед закончил сгружать яблоки, и посадив Варьку в свой старый жигуль уехал.

– А не посидеть ли мне в подвале, повспоминать...

Гриппа сходила за складным креслом и пледом и юркнула в подвал. Яблоки стояли в ящиках на полках и занимали половину подвала. Стоял крепкий яблочный дух. Гриппа устроилась в кресле укрывшись пледом, взгляд её скользил по ящикам с яблоками, мыслей не было. Она потянулась за крупным румяным яблоком, и обтерев его о край юбки, смачно хрустнула, брызнув соком. Она стала припоминать фрагменты своей жизни под монотонно урчащую вентиляцию, глаза её слипались. Очнулась она, от того, что кто-то её тряс за плечо, открыв глаза она увидела испуганное лицо Леночки.

– Тётя Гриппа, что с вами?

– Я иду, смотрю подвал приоткрыт, и свет горит, думаю забыли закрыть, а тут вижу вы в кресле без чувств.

Гриппа протирая глаза, соображала, что ответить, не говорить же ей, что она в подвале решила жизнь свою посмотреть.

– Понимаешь Леночка, в моём возрасте яблочный воздух стимулирует иммунитет, я в интернете вычитала и вот решила попробовать, ну и вот... заснула.

– А я испугалась, верещала Леночка, думала, что-то случилось с вами.

Гриппа приняла горячий душ, всё же в подвале сейчас сидеть было холодно, и усевшись в кресло открыв очередной детектив на закладке.

Глава 10

Прошло три месяца. Вечером выпал снег, а уже утром под яркими лучами солнца, снег таял стекая блестящими струйками с крыш домов. Гриппа шла по улице, в воздухе носился щебет птиц и звон капли. Возле дома соседа, стояли старые жигули за рулем сидела Варька в белом полушубке из искусственного меха. Поравнявшись с машиной Гриппа от неожиданной мысли, даже поперхнулась.

– Варь, позвала Гриппа.

Варька вышла из машины и подошла к Гриппе.

– Ты что, сама теперь за рулём?

– Ну да, права получила и вот отец отдал мне эту колымагу.

– Варь, ну вот и сбылось твоё намерение! – Воскликнула Гриппа. – Ты в своей машине и в белой шубке.

Варька недовольно покосилась на машину потом перевела взгляд на свою одежду.

– Да это же старые жигули.

– Но машина всё же – вставила Гриппа.

– И шуба-то искусственная, стоит всего 3 тысячи.

– Но белая же, – не отступала Гриппа.

– Ну и почему ваше пространство, решило мне именно это подсунуть.

– Наверное уровня у тебя не хватило, констатировала Гриппа, входя в образ Семёна Ивановича.

– Что значит уровня? – насупилась Варька.

Гриппа напряглась вспоминая речи Семёна Ивановича.

– А это Варь, способность удерживать определённую частоту вибраций внутри себя, стойкость и последовательность в реализации принятых решений.

Варька тупо посмотрела на Гриппу.

– Тётъ, Грипп, а попроще-то нельзя?

– Ладно, ну вот ты помогаешь отцу?

– Помогаю.

– А с какими мыслями?

– Без мыслей.

Гриппа задумалась. Должно же быть что-то внутри.

– А с каким чувством, нашлась она.

– Ну неохота, конечно, типа не сделаю точить будет.

– Воот – сказала Гриппа, а надо с удовольствием, с хорошими мыслями, быть благодарной отцу.

Это и есть высокие вибрации внутри, а значит и высокий уровень.

– А если не получается так? Не унималась Варька.

– Тогда действуй волей и убеждением себя.

– А вот Лерке машину купили без всякого уровня.

– А ты цени, те условия в которых родилась, вот что бы ты делала, если б родилась где-нибудь, Гриппа задумалась и продолжала, например в Замбии.

– Ну и, чтобы я делала в Замбии? – спросила Варька.

Гриппа не знала, чтобы делала Варька в Замбии, и сказала, чтобы закончить разговор.

– Если бы да кабы во рту росли грибы.

Оставив Варьку, Гриппа двинулась в сторону книжного магазина за новыми детективами. Читать в компьютере она не любила, ей нравились книги бумажные, пахнущие типографской краской. Три месяца назад, Гриппа взялась за оживление знаний английского языка, для этого

она отвела утренние часы. Во всём остальном жизнь текла по прежним рельсам, до тех пор пока в один из весенних солнечных дней, не зазвонил телефон, на дисплее высветилось – Семён Иванович. У Гриппы радостно забилося сердце. Она почувствовала, что её ждут новые приключения.

Часть 2

Глава 1

Рейсом Москва – Марсель Семён Иванович и Аркадий Игнатъевич Леворуков, через пересадку в Брюсселе, наконец добрались до Марселя. В аэропорту их встретил компаньон и друг Леворукова Завьялов Пётр Фёдорович. В девяностые годы Леворуков помог Завьялову иммигрировать во Францию и создать предприятие по изготовлению измерительной аппаратуры. В уставном фонде предприятия доля Леворукова, в части нематериальных активов, составляла 30 %. Он не вмешивался в работу предприятия и был доволен регулярными отчислениями на свой счёт. Завьялов разглядывал друга, он его не видел почти пять лет.

– Ты не изменился и седина тебя не берёт.

Забегая вперёд, он распахнул дверцу машины. За рулём сидел сын Завьялова. Точная копия отца, только намного моложе, у него были коротко стриженные волосы, торчащие щёткой, круглое лицо, полные губы, под густыми бровями светло-серые глаза, как и отец, он говорил на французском и русском языках.

– А вот мой Генка – сказал Завьялов, – у нас работает, жениться собрался.

– На русской? – спросил Леворуков.

– Нет, на французенке.

Машина остановилась у отеля на набережной. Договорились встретиться вечером в ресторане отеля. Аркадий Игнатъевич, пройдя по коридору, застеленной ковровой дорожкой, открыл дверь номера. Приезжая в Марсель, он всегда останавливался в этом отеле и в этом номере, чтобы поддерживать ощущение комфорта от знакомой ему обстановки. С удовольствием подставив тело под струйки горячего душа, Леворуков вспомнил выражение лица Завьялова. По опыту общения с ним, Аркадий Игнатъевич предположил, что у Завьялова есть разговор к нему. Накинув халат, он подошёл к окну и распахнул его. В комнату ворвался тёплый воздух и шум города. До вечера ещё было достаточно времени и Аркадий Игнатъевич, откинувшись в кресле, стал просматривать каталоги магазинов, надо было выполнить заказы жены и дочери. Горячий душ и мелькание товаров, усыпили Леворукова. Разбудил его стук в дверь.

На пороге стоял улыбающийся Семён Иванович, гладко выбритый, отдохнувший и пахнущий французским парфюмом.

Переодевшись, Аркадий Игнатъевич с Семёном Ивановичем спустились в ресторан. За столиком у окна их ждал Завьялов Пётр Фёдорович. Развернув меню, он ткнул пальцем в одно из названий.

– Вот, это блюдо они готовят превосходно. Рекомендую вам.

Официант застыл поодаль от столика в ожидании заказа. Вскоре на столе появилось аппетитно пахнущее мясо. Официант открыл бутылку красного вина. Пётр Фёдорович, прожевав очередной кусок мяса и запив его красным вином, проговорил:

– Аркаш, у меня к тебе дело, мой Генка собрался жениться. Я бы хотел до свадьбы отправить их в путешествие на юг России, пусть побудут вместе. Я сам с ними поеду, и ещё поедет брат моей жены – Жюль, ты его видел – помнишь такой худощавый француз с бородкой. У него отпуск, он любитель делать фильмы. Я бы очень хотел, чтобы вы с Семёном Ивановичем взяли за организацию этого путешествия. Леворуков удивленно поднял брови и развел руками.

– Так это не наш профиль, Петь, ты же знаешь. Я вам порекомендую и если хочешь, подключу к фирме, которая занимается туристическим досугом.

– Аркаш, тут есть элементы вашей работы, мне хотелось, что бы это путешествие прошло нестандартно.

– Ну, это же просто работа по развлечению – сказал Леворуков.

– Ну, Аркаш, всего-то две недели – настаивал Пётр Фёдорович, при этом он на салфетке написал сумму контракта и подвинул салфетку к Леворукову.

Взглянув на сумму, Аркадий Игнатьевич констатировал:

– ЩЕДРО.

Немного помолчав, и обменявшись взглядом с Семёном Ивановичем, Леворуков сказал:

– Ну ладно, уговорил.

Глава 2

Проработав в Марселе, Леворуков с Семёном Ивановичем были готовы к отъезду. Поразмыслив, где расположить Завьялова с компанией, они остановились на доме Агриппины Петровны. Семён Иванович, позвонив ей из Марселя, убедился в возможности приезда и согласовал дату заселения.

Агриппина Петровна обрадовалась будущему приезду гостей и тому, что она включена участницей проекта и чтобы максимально высвободить время для ожидаемой работы, решила сделать заготовки обедов на будущее для себя. Она достала большой кусок мяса из холодильника, почистила лук, чеснок. Всё это она хотела перемолоть на своей новой немецкой электрической мясорубке и, налив котлет, отправить в морозильник.

Был конец мая и первые жильцы уже заселились в комнаты. Агриппина готовила еду уже на веранде, слева и справа по противоположным сторонам большой веранды стояли мини – кухни, оборудованные всем необходимым. Справа кухня была для жильцов, которые хотели себе что-то приготовить, а слева кухня только для Агриппины. Жильцы готовили редко, а сама Агриппина Петровна выходила готовить, когда все уходили на пляж. В холодное время она готовила у себя в мансарде. Агриппина включила мясорубку, раздался мерный рокот и она запустила первый кусок. Гриппа не слышала, как подошла сзади соседка Дуся и от её приветствия вздрогнула. Дуся, увидев мясорубку, восхитилась качеством помола мяса.

– Гриппа, ты не против, если я сейчас принесу свой кусок смолоть.

– Неси, конечно.

Дуся вскоре вернулась, неся в руках тарелку с небольшим куском мяса, очищенной луковицей и двумя зубчиками чеснока.

– Надо же, работает как зверь, что хочешь смелет – приговаривала Дуся, приминая ложкой фарш. Тут у неё зазвонил телефон, разговаривая, она прижала телефон плечом к уху и, накрыв фарш салфеткой, кивнула Гриппе и ушла. Помыв мясорубку и протерев стол, Гриппа сварила себе кофе. Не успев допить, Гриппа увидела возвращающуюся Дусю, выражение лица у неё было растерянным.

– Гриппа, я у тебя фарш не оставляла? – и обшарив глазами стол, плюхнулась на стул.

– Ты его точно с собой унесла, шла и по телефону всё говорила. Я представляешь, говорила Дуся, всё обшарила, помню, что вроде на стол в кухне поставила, потом мне брат позвонил, они с Танюхой из отпуска вернулись. Ну, поговорила, захожу, думаю сейчас котлет поджарю, а фарша нет, и тарелки нет.

– А может ты его выронила, когда по тропинке шла и за разговором не заметила, а тарелку пустую уже поставила – предположила Гриппа.

– Так и тарелки-то нет.

– Да... протянула Гриппа.

– Может это домовой взял – сказала Дуся, мне рассказывали, что домовые предметы всякие прячут, а потом подкидывают назад, когда всякую надежду потеряешь найти. Гриппа недоверчиво посмотрела на Дусю.

– Пойдём вместе, поищем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.